
ФОТОАТЕЛЬЕ
10
ДМИТРИЙ КУСОНСКИЙ
БАНДИТСКАЯ ТЮМЕНЬ
18+

Дмитрий Кусонский

Бандитская Тюмень

«Автор»
2026

Кусонский Д. А.

Бандитская Тюмень / Д. А. Кусонский — «Автор», 2026

Тюмень, начало 90-х. Город, где нефть течёт рекой, а кровь льётся на асфальт.Он вернулся из тюрьмы с одним желанием — взять то, что принадлежит ему по праву силы. Рашид Янтимиров, потомок кочевников и бывший боксёр, собрал вокруг себя самых отчаянных парней с городских окраин. Их штаб-квартирой стало неприметное фотоателье 10.Это история о том, как уличные бойцы превратились в хозяев нефтяных скважин. Как вчерашние зэки и спортсмены строили империю на костях коммерсантов и конкурентов. Но власть — это всегда война. Война с ворами в законе, война с силовиками и война друг с другом.Когда на кону миллионы долларов и честь "братвы", пуля становится последним аргументом."Тюмень бандитская" — это не просто криминальная сага. Это честный рассказ о времени, когда решали не законы, а кулаки. О людях, которые хотели быть первыми, но стали лишь тенями в истории города.

© Кусонский Д. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пацанский вызов 5
Глава 2. Тюремные нары 12
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Дмитрий Кусонский
Бандитская Тюмень

Глава 1. Пацанский вызов

В старом спортзале пахло не просто потом и мазью от ушибов — здесь витал сам дух борьбы. Этот запах с силою кислоты въелся в доски пола, в потемневшие канаты ринга, в мешки с песком, которые висели у дальней стены. Его не могли вытравить ни открытые настежь окна, ни хлорка, которой по субботам мыли раздевалку. Зимой же, когда оконные щели заклеивали полосками бумаги, он становился особенно густым: к нему примешивались сырость, угольная пыль из котельной и тяжёлый дух мокрых валенок.

Потолок был низкий, с облупившейся побелкой. В углах под ним тянулись серые паутины, а лампочки под жестяными абажурами светили неровно, выхватывая из сумрака лица и оставляя за их спинами длинные тени. Пол скрипел под ногами так, словно хранил в себе эхо всех шагов и ударов, которые когда-либо звучали на этом ринге.

Стены были увешаны пожелтевшими фотографиями чемпионов. На одних снимках молодые мужчины стояли в майках и трусах, с кубками в руках, серьёзные и гладко причёсанные. На других — улыбались, обнявшись за плечи после соревнований. Кто-то из них теперь работал в обкоме партии, кто-то пил горькую у вокзала, а кого-то давно не вспоминали даже в этом зале.

Под фотографиями висел выцветший плакат: «Спорт воспитывает мужество и волю». Одним углом он отклеился от стены и при каждом сквозняке чуть шевелился.

За окнами стоял март 1975 года. Снег в Тюмени ещё лежал вдоль заборов высокими грязными валами, но на дорогах уже проступала чёрная каша. Днём с крыш капало, а к вечеру вода снова схватывалась льдом. Во дворе спортзала, между ржавыми гаражами, темнели лужи. В одной из них торчало горлышко разбитой бутылки.

Рашид Янтимиров стоял в углу ринга, упираясь спиной в канаты. Он чувствовал грубую верёвку сквозь тонкую ткань майки. Каждый раз, когда он набирал воздух, канаты чуть подавались под его лопатками и возвращались обратно.

Дыхание вырывалось короткими хрипами, смешиваясь с гулом зала. В ушах пульсировал стук собственного сердца. Казалось, он заглушает и голоса зрителей, и скрип досок, и тяжёлое сопение противника в другом углу.

Рашид попытался глубже вдохнуть, но в боку кольнуло. Он опустил подбородок, стиснул зубы и сделал вид, что ничего не произошло.

Лицо его блестело от пота. Над левым глазом алела свежая гематома, скула была рассечена. Ещё утром на ней оставался только синяк после вчерашней драки, а теперь кожа разошлась, и к щеке прилипла тёмная полоска крови. Правое плечо ныло от старого перелома, который так никогда до конца и не зажил. В начале боя боль была тупой и привычной, но после четвёртого раунда стала острой: стоило поднять руку чуть выше, и она отзывалась под самой ключицей.

Он не позволял себе думать об этом.

Напротив горою возвышался Сергей Котов — здоровенный детина из соседнего двора. Он тоже дышал тяжело, но старался не показывать усталости: активно расправлял плечи, переступал с ноги на ногу, иногда резко встряхивал руками. На нижней губе у него набухла ссадина, а под рёбрами, там, куда Рашид несколько раз успел попасть, наливалось тёмное пятно.

Для Сергея этот зал был чужим. Он пришёл сюда, приняв вызов, потому что считал себя королём улицы. Там, за окнами, его знали от дворников до участкового. Дворники отворачи-

вались, когда он проходил мимо, а участковый однажды сказал его матери, что парень либо возьмётся за ум, либо рано или поздно отправится по этапу.

Сергей был выше Рашида почти на голову. Его широкие плечи едва помещались под линялой спортивной майкой, а кулаки казались тяжёлыми и квадратными. На шее висело массивное золотое кольцо на цепочке. Во время разминки он демонстративно крутил его пальцем, поглядывая на собравшихся. Когда ему предложили снять украшение, Сергей только усмехнулся.

— Сам снимешь, если сможешь, — сказал он одному из парней.

Тот не решился что-то ответить. Рашид стоял рядом и видел, как побледнело лицо товарища.

Это не было соревнованием. Никто не записывал результаты, не проверял документы и не объявлял вес участников. Но весть о поединке успела обойти несколько дворов. Одни пришли из любопытства, другие — поддержать своих. Были и такие, кто не принадлежал ни к одной компании, но хотел первым рассказать завтра, чем всё закончилось.

На старых деревянных скамьях слева сидели друзья Рашида — парни из соседних дворов, которые приходили к нему тренироваться после уроков. Он показывал им, как держать руки, как ставить ноги, заставлял по десять раз повторять самые простые движения. Иногда они спорили и смеялись над его серьёзностью, но продолжали ходить.

Сегодня никто из них не смеялся.

Они знали Сергея. Видели, как он избил у магазина парня, который отказался отдать ему мелочь. Слышали, что зимой он загнал другого в проход между гаражами и тот потом неделю не выходил из дома. Не всё из рассказанного можно было проверить, но никто не сомневался, что Котов любит, когда его боятся.

— Давай, Рашик, не стой у канатов, — тихо проговорил один из друзей.

Его сосед толкнул его локтем:

— Не мешай.

Справа, ближе к рингу, сидел Ибрагим – отец Рашида, положив тяжёлые руки на колени. Он смотрел на сына, не отрываясь.

Рядом примостился Виктор Петрович, старый тренер, бывший чемпион области по боксу. Его когда-то разбитый нос кривился в сторону, седые волосы топорщились над ушами. На шее висел свисток, хотя свистеть сегодня было бесполезно: никто не назначал его судьёй.

Когда-то именно он заметил двенадцатилетнего Рашика за спортзалом. Мальчишка колотил кулаками по старой автомобильной покрышке, подвешенной к перекладине, и сердился каждый раз, когда она уходила в сторону.

— Руки сломаешь, — сказал ему тогда Виктор Петрович.

— Не сломаю.

— Ну, коли ты всё знаешь, тогда бей.

Тренер постоял немного, посмотрел и всё-таки позвал его в зал. С тех пор Рашид появлялся почти каждый день. Мыл пол после занятий, помогал чинить перчатки, носил воду, если в раздевалке перемерзали трубы. Он быстро схватывал и упрямо повторял то, что не получалось. Больше всего Виктор Петрович ценил в нём не силу, а терпение: мальчишка мог полчаса отрабатывать один шаг, пока тот не становился таким, как надо.

Теперь тренеру было больно смотреть на него.

— Я говорил ему не выходить, — негромко сказал он Ибрагиму.

Тот не повернул головы.

— И я говорил.

— Можно ещё остановить.

Ибрагим промолчал. Оба уже пробовали остановить бой в начале. Сергей тогда громко спросил, пришёл ли Янтимиров прятаться за отца и старика. Рашид, услышав это, немедленно поднялся на ринг. С тех пор каждый раз, когда кто-нибудь подходил к канатам, он отмахивался.

Отец смотрел на сына тяжёлым взглядом. Он видел в нём и будущего чемпиона, о котором говорил тренер, и инженера-нефтяника, каким хотел видеть его сам. Работы вокруг становилось всё больше, город рос, приезжали люди с севера. Ибрагим надеялся, что сын получит образование и не будет, как он, всю жизнь мёрзнуть на стройке.

По вечерам, когда Рашид ещё был младше, Ибрагим расстилал на столе старые газеты, показывал фотографии буровых вышек и рассказывал, какие специалисты нужны нефтяникам. Мальчик слушал, но потом спрашивал, можно ли завтра подольше остаться в зале.

Дед Рашида рассказывал ему другие истории. Долгими зимними вечерами, когда за окном гудел ветер, старик усаживался ближе к печке и говорил о предках-кочевниках, о бескрайних степях, о Чингисхане, о силе и воле людей, подчинявших целые народы.

Рашид слушал его, почти не шевелясь. Он представлял табуны, уходящие к горизонту, всадников под низким небом, костры в ночи. Дед говорил и о верности слову, и о том, что сильный отвечает за слабого, но мальчику особенно запоминались рассказы о победах.

Потом он пересказывал их друзьям во дворе. Сперва над ним подшучивали, а когда он подрос и стал лучше всех драться, прозвище «Чингисхан» прилипло к нему само собой. Враги называли его проще и злее — «Татарин».

Последнее слово особенно нравилось Сергею.

Всё началось за неделю до боя, когда Котов встретил у магазина младшего из ребят, ходивших к Рашиду на тренировки. Он потребовал деньги, а когда мальчишка сказал, что у него нет, толкнул его в сугроб и вывернул карманы. Там нашлись только трамвайный билет и мелочь на хлеб.

Рашид узнал об этом в тот же вечер. Он пошёл искать Сергея, но нашёл только его приятелей. Один сказал, что Котову нечего делать с детьми, другой засмеялся и спросил, не собирается ли Рашид сам за них расплачиваться.

Через два дня они встретились у гаражей. Разговор быстро превратился в потасовку. Рашид успел ударить одного из приятелей Сергея, но сам получил по скуле и плечу. Люди из соседнего подъезда закричали из окна, кто-то пригрозил вызвать милицию, и драка оборвалась.

На следующий день Сергей передал вызов: раз Янтимиров такой спортсмен, пусть покажет себя на ринге. Рашид понимал, что от него ждут. Если отказаться, Сергей ещё долго будет рассказывать об этом на каждом углу. А если согласиться, придётся идти против отца и тренера.

Он согласился, прежде чем успел как следует подумать.

Теперь, глядя на сына, Ибрагим вспомнил, как утром тот молча собирался из дома. Мать спрашивала его про разбитую скулу, но он отвечал односложно. У двери отец строго приказал:

— После занятий сразу домой!

Рашид кивнул, не поднимая глаз. Ибрагим уже тогда понял, что сын собирается ослушаться.

— Ты опять за старое? — пророкотал он сейчас, и голос его прорезал шум зала. — Сколько раз тебе говорить?

Это был не вопрос. Похожие слова звучали дома почти каждый вечер, когда Ибрагим возвращался с работы и видел новые синяки. Иногда он сердился, иногда пытался говорить спокойно, но сын всё чаще отвечал молчанием.

Теперь злости в его голосе не было. Он выглядел усталым человеком, который пришёл сюда не смотреть на победу, а забрать своего мальчика домой.

Рашид услышал отдельные слова, но не поднял глаз. Он смотрел на Сергея: на то, как дрожит его подбородок при каждом выдохе, как тот разминает пальцы и пытается скрыть усталость за привычной ухмылкой.

— Ну что, спортсмен? — спросил Сергей. — Всё?

Рашид оттолкнулся от канатов и сделал шаг вперёд.

Бой длился уже пять раундов. Друзья договорились засекать время по наручным часам, но к третьему раунду начали спорить, когда давать перерыв. Один утверждал, что прошло три минуты, другой — что меньше. Наконец решили больше не останавливаться: пусть заканчивают сами.

Правила были простыми и жестокими: побеждает тот, кто заставит другого опустить руки или потерять сознание.

В первом раунде Сергей бросился вперёд так резко, что Рашиду пришлось уходить вдоль канатов. Котов бил сильно, широко, пытаясь достать голову, и каждый промах заставлял его злиться ещё больше. Один удар всё-таки зацепил Рашида по плечу. Старая боль прострелила руку, пальцы на мгновение ослабли.

Во втором Рашид уже освоился. Он перестал отступать по прямой, начал смещаться в сторону и отвечать короткими ударами. Сергей пытался прижать его к углу, но всякий раз опаздывал на полшага.

— Ногами работай! — крикнул тогда Виктор Петрович и тут же осёкся.

Он не хотел помогать продолжаться этому бою, но привычка оказалась сильнее. Рашид, услышав знакомый голос, всё же успел уйти из угла.

К четвёртому раунду оба устали. На настиле темнели капли пота, у одного из углов валялась смятая тряпка, которой пытались остановить кровь на скуле Рашида. Он отбросил её, когда Сергей снова двинулся вперёд.

Котов атаковал мощно, но всё более хаотично. Удары шли сверху, тяжёлые, ломающие, однако медленные. Рашид уходил от них и отвечал сериями коротких ударов, заставляя противника тратить силы.

Несколько раз ему представлялся выход: можно отступить к канатам, опустить руки и сказать, что хватит. Но стоило этой мысли появиться, как он замечал лица друзей, склонённых вперёд на скамье, или ухмылку кого-нибудь из компании Сергея. Тогда он снова поднимал руки.

— Хватит уже, — сказал Виктор Петрович, вставая. — Оба, слышите?! Хватит.

Его голос утонул в выкриках.

Кто-то потребовал продолжения. Кто-то, напротив, закричал, что Рашида нужно увести: скула у него снова кровила, а правую руку он держал чуть ниже левой. Сторонники Сергея отвечали свистом. Один парень запрыгнул на нижнюю перекладину скамьи, чтобы лучше видеть, и тут же получил от соседа по спине.

Ибрагим тоже поднялся. Он сделал шаг к рингу, но остановился, когда бойцы снова сошлись. Места у канатов были заняты; пробираться пришлось бы через возбуждённую толпу.

Рашид и Сергей стояли друг напротив друга на расстоянии одного шага. Руки подняты, ноги чуть согнуты. Зрители постепенно притихли. Стало слышно, как под чьей-то подошвой скрипнула доска, как в батарее у стены застучала вода.

Сергей сплюнул кровь на настил.

— Сейчас закончим, — сказал он.

Рашид не ответил. Он старался следить за плечами противника, как учил Виктор Петрович, и не думать о том, что правая рука стала тяжёлой.

Сергею надоело ждать. Он пошёл вперёд, занося правую для своего коронного удара снизу — мощного апперкота, которым, как он любил хвастаться, можно свалить быка.

Рашид расчетливо ждал этого движения. Он качнулся корпусом, будто собирался уходить вправо. Сергей перенёс вес на переднюю ногу и потянулся за ним.

Левая рука Рашида метнулась вперёд. Короткий удар в корпус пробил защиту, и Сергей невольно согнулся, прижимая локоть к боку.

Этого хватило.

Правая рука Рашида взметнулась снизу вверх. Боль в плече вспыхнула и тут же исчезла. Кулак попал Сергею в челюсть. Удар прозвучал резко, сухо; голова Котова дёрнулась назад, а руки на миг разошлись в стороны.

Он рухнул на настил, тяжело ударившись спиной. Его тело ещё секунду содрогалось, затем обмякло. Золотое кольцо на цепочке скользнуло из-под майки и блеснуло в тусклом свете лампы.

Рашид застыл над ним. Он ждал, что Сергей сейчас выругается и поднимется. Но тот лежал неподвижно.

Зал взорвался громогласными криками. Кто-то хлопал, кто-то возмущённо шипел. Друзья Рашида бросились к рингу, протиснулись между канатами и стали поднимать его руки.

— Чингисхан! — заорал один. — Вот это да!

Другой хлопал Рашида по спине, третий уже рассказывал стоявшим за канатами, что знал исход с самого начала. Люди в дальнем углу сдвинули скамью и полезли вперёд, чтобы посмотреть на Котова.

Один из парней склонился над Сергеем, сорвал с его шеи цепочку с кольцом и показал добычу остальным. Затем, выкрикнув что-то о короле улицы, швырнул её к двери. Кольцо звякнуло о доски и укатилось под скамью, где на полу темнела грязь с растаявшего снега.

— Назад! Все назад! — крикнул Виктор Петрович.

Он пробрался на ринг, опустился рядом с Сергеем и оттолкнул руку парня, который пытался перевернуть лежащего.

— Не трогай его. Воды кто-нибудь принеси. И врача зовите, живо!

— Он, вообще-то, хоть дышит? — спросил кто-то.

— Я сказал, врача!

Один из ребят, наконец, сорвался с места и побежал к выходу. Другие нехотя отступили. Сергей застонал, но глаз не открыл. Виктор Петрович подложил ему под голову сложенную куртку и продолжал что-то говорить — спокойно, настойчиво, как будто тот мог его услышать.

Рашид стоял посреди ринга, глядя на поверженного противника. Руки, которые только что подняли друзья, безвольно опустились вдоль тела. Во рту пересохло.

Он столько раз представлял себе этот момент: Сергей лежит, все видят, кто сильнее, и больше никто не смеет трогать его ребят. Но теперь ему хотелось только одного — чтобы Котов открыл глаза и сел, пусть даже снова начнёт ругаться и грозить расправой.

— Рашик, ты чего? — спросил стоявший рядом друг. — Ты же его сделал.

Рашид убрал его руку со своего плеча.

— Отойди.

Тот удивлённо посмотрел на него, но отошёл.

В шуме зала Рашид различил голос отца. Ибрагим говорил с кем-то у канатов, требовал освободить проход. Несколько человек обернулись и расступились.

Рашид повернулся к нему. Их взгляды встретились через весь ринг.

В глазах Ибрагима не было привычной злости. Отец сначала посмотрел на кровь у сына на скуле, потом на Сергея и тренера, стоявшего рядом с ним. Рашид увидел, как дрогнула его челюсть, словно он хотел что-то сказать и не нашёл слов.

Несколько дней назад дед рассказывал за столом о всаднике, который после победы пощадил врага. Тогда Рашид спросил, зачем тот это сделал, и старик ответил:

— Победить мало. Ещё надо знать, что делать с победой.

Рашид пропустил эти слова мимо ушей. Теперь они вспомнились ему с такой ясностью, будто дед стоял рядом.

— Отец… — прошептал он, но слово утонуло в гуле толпы.

Ибрагим подошёл к канатам и протянул руку. Рашид смотрел на эту руку и не двигался.

За спиной кто-то снова произнёс его прозвище. Ещё несколько человек подхватили, уже тише, будто проверяя, как оно звучит после сегодняшнего. Парни из компании Сергея стояли у стены и молчали. Один из них пристально смотрел на Рашида; когда тот обернулся, парень отвёл глаза.

Потом Сергей закашлялся. Виктор Петрович наклонился к нему, попросил не вставать. Котов открыл глаза и попытался понять, где находится. По залу прошёл облегчённый вздох, хотя друзья победителя поспешили скрыть его новыми выкриками.

Рашид взял отца за руку и спустился с ринга. Ноги слушались плохо. Ибрагим придержал его за локоть и повёл к двери, не отвечая тем, кто пытался заговорить. В проходе им встретился мальчишка из группы Рашида. Он смотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Ты его одним ударом! — восхищённо сказал мальчишка.

Рашид хотел возразить: удар был не один, до него были пять тяжёлых раундов и собственный страх. Но говорить он не стал.

У дверей он оглянулся. Сергей уже сидел, прислонившись к канатам; тренер удерживал его за плечо. На полу под скамьёй что-то блеснуло. Рашид увидел золотое кольцо, поднял его вместе с оборванной цепочкой и положил на край ринга. Никто, кажется, этого не заметил.

Снаружи ударил сырой холод. Во дворе пахло мокрым деревом, бензином и снегом, который пролежал всю зиму у гаражей. Из котельной тянулся дым. Ибрагим остановился под навесом и достал платок.

— Дай посмотрю.

Рашид наклонился. Отец осторожно промокнул кровь на его щеке. Платок сразу стал красным.

— Глубоко? — спросил Рашид.

— В больнице скажут.

Они двинулись по улице рядом, обходя лужи. За их спинами из спортзала всё ещё доносились голоса: бой разбирали заново, спорили, когда именно Сергей потерял равновесие и мог ли он подняться раньше.

У перекрёстка Ибрагим, наконец, сказал:

— Твой тренер всю зиму тебя на соревнования готовил.

— Я знаю.

— А ты вчера подрался. Сегодня вот это.

Рашид хотел объяснить про мальчишку у магазина, про деньги на хлеб, про вызов, от которого нельзя было отказаться. Все эти доводы ещё недавно казались ему достаточными. Он открыл рот, но первым вспомнил, как Сергей лежал на настиле.

— Он сам вызвал, — сказал Рашид.

— А ты сам пришёл.

Отец не повысил голоса. Некоторое время они шли молча. У остановки стоял автобус, и водитель, высунувшись из кабины, курил перед отправлением. Рашид поискал в кармане мелочь, но Ибрагим покачал головой:

— Пешком дойдём.

На другой стороне улицы двое парней узнали Рашида. Один толкнул другого, что-то сказал и показал на него. Рашид заметил это и отвернулся. Ему было неприятно, но одновременно он понимал: к вечеру история разойдётся по дворам, и завтра его остановят ещё не раз.

Ибрагим шёл чуть впереди. Он по-прежнему рассчитывал отвести сына в больницу, а потом домой, где мать приготовит ужин и станет расспрашивать обо всём с самого начала.

Рашид смотрел на его широкую спину, и думал, что дома придётся рассказать правду. Всю или хотя бы часть.

Этот мартовский день стал для него точкой, к которой он ещё не раз возвращался мысленно. Позднее многие вспомнят бой в старом спортзале по-своему: одни скажут, что Котов сам искал встречи, другие — что Янтимиров давно ждал случая прославиться. О том, как после победного удара он стоял над неподвижным противником и боялся, что тот не встанет, почти никто не расскажет.

Через десять лет имя Рашида Янтимирова будет знать вся Тюмень. А пока он шёл рядом с отцом по мокрой весенней улице, прижимая платок к рассечённой скуле. Правое плечо ныло, в ботинок попала вода, и каждый шаг напоминал ему о случившемся. За поворотом их ждали больница и дом; позади оставался зал, где друзья наперебой называли его победителем.

Примечание: произведение основано на реальных событиях с добавлением некоторых додуманных или вымышленных сцен. Многие имена изменены. Автор не претендует на свою точку зрения, как единственно правильную и допускает вероятность того, что по причине недостаточно имеющейся информации, некоторые факты вполне могут оказаться искаженными относительно официальных данных, в первую очередь, закрытых источников МВД и ФСБ.

Глава 2. Тюремные нары

Тюрьма встретила Янмира Рашидова запахом хлорки и сырого бетона.

Этот запах он почувствовал ещё до того, как за ним закрылись тяжёлые железные ворота. Он смешивался с дымом из заводских труб, с выхлопом грузовика, который привёз их сюда, и с терпкой сыростью ранней осени. Небо над Тюменью было низким и серым. Казалось, оно опустилось прямо на колючую проволоку, натянутую в несколько рядов между вышками.

Шёл 1980 год.

Янмиру было двадцать семь. За плечами остались уличные драки, боксёрские победы и поражения, случайные заработки и разговоры, из которых редко выходило что-нибудь хорошее.

Он знал, как выглядит разбитое лицо в мутном зеркале спортзала. Знал, как болят пальцы после удара, пришедшегося не туда. Знал, как быстро приятель может отвести глаза, когда на улице появляется милиция…

Но вот того, что ждало его за этими огромными воротами, он ещё не знал.

Их выгрузили из машины по одному. Конвоир с собачьим поводком обмотанным вокруг ладони, коротко крикнул:

— Шевелитесь! На перекличку!

Янмир спрыгнул на мокрый гравий. Возле стены стояли ещё несколько человек, привезённых вместе с ним: двое молодых, почти мальчишек; мужчина с редеющими волосами и сухой старик в слишком большом пальто. Старик всё время поправлял воротник, хотя дождя не было.

У ворот проверили документы. Потом повели через двор, мимо длинного одноэтажного здания с закрашенными окнами. Где-то за стеной лязгнула металлическая дверь. Следом ей ответила другая.

— Здесь всё железное, — тихо сказал один из молодых.

Янмир повернул голову. Парню было лет двадцать, не больше. На его верхней губе выступил пот.

— И что? — спросил Янмир.

— Да ничего. Просто сказал.

— Лучше помолчи.

Парень обиделся, но промолчал.

Внутри было душно. На полу блестели следы недавней уборки; вода у стен ещё не высохла. Их поставили лицом к облупленной штукатурке и стали вызывать по фамилиям. У дежурного был усталый голос человека, который произносил одни и те же слова каждый день и давно перестал вслушиваться в их смысл.

— Рашидов!

— Я.

— Вещи на стол.

У Янмира было немного: сменная рубаха, полотенце, кусок мыла, зубная щётка и фотографии, завёрнутые в газетный лист. На одной мать сидела у окна, положив руки на колени. На другой несколько парней стояли у спортивного зала; сам Янмир был с краю и щурился от солнца.

Дежурный осмотрел вещи, задержался на фотографиях.

— Родня?

— Родня.

— Оставь. Газету выбросить.

Янмир аккуратно вынул снимки и убрал во внутренний карман.

Потом был досмотр, короткие команды, чужие руки, выворачивающие карманы. Никто не кричал и не бил его. От этого унижение не становилось меньше. Оно было будничным, как запах мокрых тряпок в коридоре.

Когда всё закончилось, их отвели в камеру, где новоприбывшие должны были ждать дальнейшего распределения.

Дверь захлопнулась за последним человеком.

На мгновение все замерли, прислушиваясь к удаляющимся шагам надзирателя. Потом старик в большом пальто выдохнул и сел на край нар.

Янмир посмотрел по сторонам.

Камера была тесной, с низким потолком и четырьмя металлическими койками в два яруса. Краска на стенах когда-то была зелёной, но возле пола потемнела от сырости и местами отвалилась. В углу, за невысокой перегородкой, стоял парашный бак. Над ним висела тряпка, безуспешно пытавшаяся служить занавеской.

Под потолком тянулась труба. Окно располагалось высоко; добраться до него можно было только встав на нижнюю койку. Сквозь решётку и матовое стекло пробивался тусклый свет. За стеклом угадывалась ещё одна решётка.

На столе стояла кружка с отбитым краем. Кто-то выцарапал на её боку две буквы и цифру, но разобрать их Янмир не смог.

Молодой парень, тот самый, что заговорил во дворе, приблизился к окну.

— Отсюда хоть что-нибудь видно?

— Если хочешь посмотреть — смотри, — ответил мужчина с редеющими волосами.

Парень встал на койку, привстал на носки и быстро спрыгнул обратно.

— Стена.

— А ты что хотел увидеть? — спросил тот же мужчина.

— Не знаю. Двор.

— Привыкай не знать.

Янмир сел на нижние нары и положил руки на колени. Койка жалобно скрипнула. Он ощупал матрас: тонкий, влажный на ощупь, с комками сбившегося наполнителя.

Старик в пальто снял, наконец, его с себя и осторожно спросил:

— Надолго нас тут?

Никто не ответил.

За дверью гремели ключи. Где-то дальше кто-то кашлял — долго, с усилием. В соседней камере спорили, но слов было не разобрать. Потом раздался удар, и голоса сразу стихли.

Янмир лёг, подложив ладони под голову.

Он не боялся дороги, по которой сюда пришёл. Во всяком случае, раньше ему казалось именно так. Но лежать, глядя на железную сетку верхней койки, и не знать, кто откроет дверь и что скажет, оказалось труднее, чем он ожидал.

В спортзале всё было понятнее. Там звенел гонг, и напротив стоял человек, которого можно было рассмотреть. Даже на улице опасность обычно имела лицо.

Здесь же опасность пряталась в ожидании.

Вечером принесли хлеб и жидкую похлёбку. Металлические миски были горячими, а хлеб — подсохшим. Молодой парень ел торопливо, обжигаясь. Мужчина с редеющими волосами долго крошил мякиш пальцами, словно хотел растянуть ужин.

Старик не притронулся к еде.

— Не лезет, — объяснил он, хотя никто не спрашивал.

— Потом захочется, — сказал Янмир.

— Потом, может, и захочется.

Старик всё-таки съел несколько ложек. Потом попросил воды. Кран в камере был один, над маленькой раковиной с коричневыми потёками. Вода шла холодная и пахла железом.

Когда погасили основной свет, в коридоре осталась гореть лампа. Её жёлтый прямоугольник падал через глазок на противоположную стену. От каждой проходившей мимо фигуры пятно на миг темнело.

Янмир долго не мог уснуть. Верхняя койка потрескивала, когда парень ворочался. Старик храпел с короткими остановками, после которых шумно втягивал воздух.

— Ты спишь? — шёпотом спросил молодой.

— Нет.

— Меня Витькой зовут.

Янмир не ответил.

— А тебя я знаю. Вернее, слышал. Ты боксёр?

— Был.

— У нас во дворе говорили, что ты в «Динамо» одного уложил. Как его… Котова, кажется.

— Много у вас во дворе говорили.

Витька немного помолчал.

— Я не специально спрашиваю. Просто думаю, как тут будет.

— Увидишь.

— А если они начнут…

— Кто?

— Ну, которые, давно сидят.

Янмир повернул голову к стене.

— Не знаю, Витька. Я тоже только приехал.

Тот будто не ожидал такого ответа.

— Думал, ты понимаешь.

— Понимать и болтать — разные вещи.

Через некоторое время Витька снова заговорил, но теперь уже тише:

— Я матери сказал, что всё будет нормально. Сам не верю.

Янмир хотел ответить резко, но передумал.

— Ложись спать, — просто сказал он. — Завтра разберёшься.

— А ты?

— И я.

В камере опять стало тихо. Только вода капала из крана: неравномерно, с паузами, будто кто-то за стеной отсчитывал время.

Янмир вспомнил последний вечер дома. Мать поставила на стол чайник и всё пыталась подложить ему еды. Отец сидел у окна, курил и говорил о погоде. Никто не произносил вслух того, о чём думал.

Потом отец всё же сказал:

— Ты мог остановиться раньше.

Янмир тогда ответил:

— Уже поздно об этом.

— Поздно — не значит неправда.

Он не нашёлся что сказать. Вышел на крыльцо, постоял и вернулся лишь затем, чтобы забрать куртку.

Теперь, в камере, слова отца всплыли неожиданно ясно. Янмир стиснул зубы и снова повернулся на спину.

Утром их подняли до рассвета. В глазок блеснул свет, дверь открылась, и дежурный бросил:

— Подъём. Умылись, вещи собрали.

Витька вскочил слишком быстро и ударился головой о верхнюю койку. Старик завозился с пуговицами пальто.

Янмир умылся ледяной водой. В мутном осколке зеркала над раковиной он увидел своё лицо — не выспавшееся, с жёсткой складкой между бровями. Под глазом ещё желтел старый синяк.

— Ну что, боксёр, — пробормотал он себе, — началось.

Примечание: произведение основано на реальных событиях с добавлением некоторых додуманных или вымышленных сцен. Многие имена изменены. Автор не претендует на свою точку зрения, как единственно правильную и допускает вероятность того, что по причине недостаточно имеющейся информации, некоторые факты вполне могут оказаться искаженными относительно официальных данных, - в первую очередь, закрытых источников МВД и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.